

Павел Линицкий

ТЫ НИЧЕГО
НЕ ЗНАЕШЬ
О ПРИВИДЕНИЯХ



Аквилегия-М

УДК 82-311.3-93
ББК 84(2Рус-Рос)6
Л 59

Линицкий П.

Л59 Ты ничего не знаешь о привидениях : Приключенческая повесть / Художник О. Кагальникова. – М: Аквилегия-М; 2021. – 224 с. – Б.ц. – ил.

ISBN 978-5-907377-06-6

Двенадцатилетний Пат учится в престижной школе Митчелл-Холл. Ни в одной другой частной школе Англии не было таких страшных привидений, как в этой. У каждого из них своя история, своя тайна и свой скелет в шкафу. Успеет ли Пат помочь призракам решить их проблемы, прежде чем за ними явится таинственный Жнец? Ведь раз за разом оказывается, что он так ничего и не знает о привидениях...

Для среднего школьного возраста. (10+)

УДК 82-311.1-93

ББК 84(2Рус-Рос)6

*Охраняется законом об авторском праве.
Все права защищены. Полная или частичная
перепечатка издания, включая размещение в сети
Интернет, возможна только
с письменного разрешения правообладателя.*

© Линицкий П., 2021, текст
ISBN 978-5-907377-06-6 © Издательство «Аквилегия-М», 2021



ГЛАВА I

Я сбежал с лестницы и свернул в короткий тёмный коридор. Притаившись за углом, я видел, как Нил Берри со своими дружками-дебилами промчался мимо. Теперь надо поскорее прошмыгнуть обратно на лестницу, пока они... тут мой ботинок зацепился за торчащий из пола гвоздь, и я с размаху грохнулся на колени, вскрикнув от боли.

— Стойте! Слышали? Он там! — раздался победный крик в дальнем конце коридора. Эти трое идиотов с топотом понеслись в мою сторону. Я кое-как поднялся и, припадая на охромевшую ногу, стал озираться в поисках укрытия. Нечего было и думать спастись бегством, как обычно. Совсем рядом в полумраке тускло блеснула дверная

ручка. Я взмолился всем силам небесным, чтобы дверь была не заперта, и потянул её на себя. Мне повезло. Едва слышно скрипнули петли, я скользнул в спасительный сумрак и тихонько прикрыл за собой дверь, стараясь не щёлкнуть замком. На двери была ржавая щеколда, и я поспешил её задвинуть. Всё, теперь им меня не достать.

За дверью затопали башмаки.

– Нил, тут его нет! – с досадой произнес Верзила Том. Хоть он и был выше всех, но мозгов ему явно не доставало, вот он и таскался везде за Нилом Берри.

– На лестнице тоже нет! – прокричал издалека Донни Заяц. Он всем твердил, что Зайцем его прозвали за то, что бежит быстрее всех – так оно и было, даже я, лучший бегун в школе, не всегда мог его догнать. А я вот думаю, что это за трусость. Силёнок у него маловато, догонит, поставит подножку и прячется за больших дружков, за Нила и Тома.

– Он где-то zde... – начал Задира Нил и торжествующе расхохотался.

– А-ха-ха! – заливался он, а вместе с ним Том и Донни. – Эй, Пат! Ты меня слышишь? Пат, я знаю, где ты! – и постучал в мою дверь. Негромко так, вежливо, как будто спрашивал разрешения войти. Я вздрогнул и ещё раз взглянул на задвиж-

ку. Вроде надёжная. Дверь снаружи не открыта, но я всё равно замер и постарался не дышать. А Нил всё хохотал и хохотал своим дурацким смехом.

– Пат, ты думаешь, ты спрятался? Ой, не могу! Ха-ха-ха! Ты хоть знаешь, где ты спрятался, Пат? – Он чуть не рыдал от хохота.

И тут до меня дошло. Спасаясь от этих болванов, я не соображал, куда бегу. Дверь, за которой я скрывался, вела в Старое крыло. Обычно дверь была закрыта, но, видно, от старости замок разболтался и чинить его не стали – кто же по своей воле пойдёт в Старое крыло на ночь глядя? Только такой глупец, как я.

– Открой дверь, Пат! Или хочешь встретить Рыжую Старуху? Она вырвет твоё сердце, Пат! – завывал Задира Нил замогильным голосом. Донни завыл волком, Том гулко заухал.

Если бы Рыжая Старуха решила прямо сейчас вырвать мне сердце, ей пришлось бы поискать, потому что сердце моё ушло в пятки. Истории о том, как Рыжая Старуха охотится за учениками, испокон веку рассказывали в Митчелл-Холле. Ни в одной другой частной школе на всём юге Англии не было таких страшных привидений, как в нашей.

Я огляделся. Влево и вправо уходил темный коридор, лишь в его концах из неплотно заколоченных досками окон пробивался свет. Там, где стоял я, было чуть светлее – свет падал откуда-то сверху, из крошечного грязного окна под высоким потолком. Где-то здесь, в Старом крыле, после заката бродит Рыжая Старуха. Но пусть лучше меня растерзают сто привидений, чем любоваться на противную рожу Нила Берри и терпеть его подзатыльники.

– Никаких привидений не бывает! – закричал я в замочную скважину. – Это всё враньё! Я всё равно к вам не выйду, понял?

– Открой, Пат! Не то хуже будет! Убежишь от Рыжей – попадёшься Старикану Плоу! Он отрежет тебе голову и выпьет всю кровь! Ты помнишь, как пропал Майки Браун?

– Майки Браун никуда не пропал, он убежал домой, это все знают! – в отчаянии выкрикнул я.

Нил злорадно захохотал.

– Это нам лапшу на уши вешают, иначе вся школа разбежится. На самом деле он зашёл в Старое крыло и его сцапал Старикан! Глазастый Энди сам видел!

– Глазастый Энди врёт по сто раз на дню! – парировал я. За дверью стало



тихо. Прижавшись ухом к щели, я слышал шёпот.

– А-ха-ха! Отличная идея! – довольно воскликнул Нил. – Эй, Донни! Будь другом, смотайся-ка в мастерскую, тут рядом. Принеси... – остальное я не разобрал, потому что Нил тоже перешёл на шёпот.

Похоже, уходить они не собирались. Я отвернулся и сел, прислонившись к стене. Колено болело ужасно, завтра весь день буду хромать. Ничего, до вечера ещё далеко, не будут же они сидеть тут вечно. Я опасливо поглядывал по сторонам коридора. Про то, что привидений не бывает, я, конечно, соврал для храбрости.

Послышались лёгкие шаги Донни Зайца.

– Принес? Молодец! – сказал Нил. Он всегда хвалил Донни за всякую ерунду, как собачонку, наверно, боялся, что тот перестанет за ним бегать хвостиком. – Гвозди захватил? Давай сюда...

У меня внутри все похолодело. Гвозди?!

Словно в ответ, раздались тяжёлые удары молотка.

– Эй! – заорал я. – Вы что делаете? С ума сошли?

Всю мою храбрость как ветром сдуло. Я сдвинул щеколду и навалился на дверь, но она уже не поддавалась. Нил заработал

молотком быстрее, вгоняя гвозди в каждый угол двери.

– Не хочешь открывать – ну и сиди здесь, – злорадно засмеялся Нил.

– Меня всё равно найдут! И тогда тебя... вам... вас всех выгонят из школы! – попробовал пригрозить я, но Задира только хмыкнул.

– Раньше отбоя тебя не хватятся, – ответил он. – И не станешь же ты ябедничать? Ты ведь не хочешь, чтобы с тобой перестала разговаривать вся школа? Так что это тебе придётся объяснять, как ты оказался в Старом крыле! Чао, неудачник! Хорошего тебе вечера... в компании привидений! – добавил он жутким шёпотом. – Послушай-ка, Пат, вот что я тебе скажу по секрету. Прижми ухо к скважине...

Не подумав, я прислонился ухом к за-мочной скважине, а придурок Нил в это время со всего размаху долбанул по замку молотком. У меня в голове как бомба разорвалась. Я отлетел от двери, а Нил с друзьями, хохоча, затопали прочь.

Стало тихо, только в ушах всё звенело. Я опять подёргал дверь, попробовал выбить её с размаху, но вряд ли это по силам двенадцатилетнему мальчику, тем более моей комплекции. Бегал я быстро, а вот на турнике болтался, как куль с удобрениями.

Оставалось сидеть и думать, как отсюда выбраться.

Звать на помощь бесполезно – этим коридором, рядом со Старым крылом, никто не ходит, разве что сторож раз в несколько дней. После отбоя выяснится, что я пропал, и меня начнут искать – и, конечно, заглянут и сюда, вот тогда и покричу. Беда в том, что отбой в десять вечера, а стемнеет через полчаса, в восемь. В этом несчастном коридоре уже и так почти темно. Сидеть тут два часа во тьме могильной? Бр-р-р.

Я поднялся и, прихрамывая, направился к дальнему концу коридора, надеясь выбраться через окно. Как я и думал, оно было заколочено досками, кое-где торчали гвозди в палец толщиной. Оцарапавшись о гвоздь, я вздохнул и похромал обратно, оставляя на пыльном полу длинные следы и дёргая по пути ручки дверей, тоже заколоченных или запертых на давно заржавевшие замки. Окно было забито и здесь, но на второй этаж вела старая лестница с потемневшими ступенями.

– Не дрейфь, – сказал я сам себе. – Привидения появляются только после заката, это все знают. Да-да, только после заката.

Я медленно поднялся по скрипучим ступеням, осторожно заглянул за угол.

Такой же длиннющий коридор, разве что чуть посветлее. Я двинулся было дальше, но тут мне показалось, что пятно света от окна в дальнем конце коридора дрогнуло и стало ярче, как будто включили лампу. А через секунду там показался белый силуэт и медленно поплыл в мою сторону.

Я обмер. Это было самое настоящее привидение, и оно вовсе не дожидалось заката. Медленно-медленно я попятился обратно на лестницу, и там уже задал такого стрекача через три ступеньки, аж пятки засверкали. Про большое колено я и думать забыл. Мне хватило ума бежать почти бесшумно, чтобы привидение не услышало. Я подлетел к двери, подёргал за ручку в надежде, что Нил передумал – бесполезно.

– Эй! – громко зашептал я, прижав губы к замочной скважине. – Нил? Нил, ты тут? – но за дверью никого не было. Я оглянулся. Возле лестницы стало заметно светлее – привидение спускалось на первый этаж. Бежать мне было некуда, в другом конце тупик. Разве что...

Я вспомнил, что одна из дверей была не заперта. Она вела в крошечную комнатку: проходя по коридору в первый раз, я заглянул туда, увидел, что здесь тоже не вылезти, и сразу пошёл дальше. Теперь

это был мой единственный шанс, и я опрометью бросился туда. В этой пустой, заброшенной комнатке осталась кое-какая мебель, даже книжный шкаф с битком набитыми полками. Ещё стоял высокий шкаф для одежды, письменный стол, кровать... Мне показалось, что вокруг всех вещей, и даже вокруг старого портрета на стене, парит чуть светящаяся дымка, но в ту минуту мне было не до такой ерунды. Я повыбирал между «в шкаф» и «под кровать» и выбрал всё-таки шкаф, заскочил внутрь, прикрыл за собой дверцы и замер. Сквозь узкую щёлку мне была видна дверь и кусочек комнаты. Из коридора донёсся странный звук, поначалу я даже не сообразил, что это было. А когда понял, похолодел. Привидение негромко напевало, и я вспомнил, что про Рыжую Старуху говорили, что она всегда поёт, прежде чем с тобой разделаться. Когда-то, рассказывали у нас в школе, она была учительницей музыки, но её прихлопнуло крышкой от рояля. Прежде чем испустить дух, она пообещала, что вернётся с того света и вырвет сердце любому, кто сфальшивит в «Боже, храни королеву». Я путал слова и ноты тысячу раз.

Песня всё приближалась, и я ждал момента, когда распахнётся дверь и на поро-

ге появится Рыжая Старуха. Я так ясно представил себе, как скрипнет дверь, что не сразу сообразил, когда привидение просто прошло сквозь дверь и оказалось в комнате. Я зажмурился и затаил дыхание, и, если бы мог, клянусь, остановил бы сердце, лишь бы оно не стучало так громко. Я с ужасом ожидал, когда призрак склонится надо мной и с диким хохотом отправит на тот свет.

Однако призрак вовсе не спешил с кровавой расправой, а вместо дикого хохота напевал что-то вполне мирное, хотя и не вполне современное. Я осторожно разжал один глаз и выглянул в щёлку. В комнате стало светлее, рядом с кроватью на столике зажглись свечи. Я отшатнулся, когда привидение проплыло перед самым шкафом, но успел заметить в неярком свете свечей рыжие волосы.

Я всё понял. Это её комната. Здесь она жила при жизни, сюда является и после смерти. Меня угораздило спрятаться в комнате привидения, и помоги, Боже, всякому, кто нарушит покой призрака так нагло, как нарушил его я. Но ведь призраки не переодеваются и открывать этот пыльный шкаф ей незачем, успокаивал я себя, а значит, я пока в безопа...

И тут я чихнул.

Песня оборвалась, на мгновение повисла тишина, затем дверца распахнулась, и я оказался лицом к лицу с привидением. От призрака веяло холодом, по коже забегали мурашки, как от электричества. Рыжая Старуха смотрела на меня широко раскрытыми полупрозрачными глазами. Через неё просвечивала комната, словно сквозь туман. Самым ужасным было то, что она не была похожа на рыжую ведьму с растрёпанными космами – наоборот, вполне себе обычная леди, даже ничуть не старая, и в этой общности таился самый ужасный ужас.

– Ма-ма-ма... – пролепетал я, не в силах отвести взгляд. Я бы наверняка описался от страха, если бы вспомнил, как это делается. «Боже, храни королеву!» – мелькнуло в голове, и я чуть дыша затанул:

– Колоре... Короле-е-ву храни-и... Дай... дай ей ра-атных... побе-ед...

Привидение вздрогнуло и отпрянуло назад.

– Нет, – тихо сказала Старуха и попятилась прочь от меня – я с изумлением понял, что она напугана не меньше моего. С искажённым лицом Старуха отпрянула к двери и вылетела из комнаты. – Помогите! – раздался её крик и растаял в дальнем конце коридора.

Дрожа как мышь, я стоял в шкафу с запахнутыми дверцами. С меня градом лил пот. Надо было спастись. Неловко переступая на ватных ногах, я выбрался из комнатёнки и доковылял до двери, ведущей прочь из чёртова Старого крыла. Я был готов зубами грызть эту дверь. Мне было так страшно, что я всхлипывал и дёргал, дёргал ручку, не соображая, что дверь забита гвоздями. Я даже не заметил, как осветились стены вокруг.

— Что вы здесь делаете, молодой человек? — раздался строгий голос за спиной. — Здесь запрещено находиться ученикам!

Я повалился на колени и уткнулся лбом в холодную медь замка. Господи, какое счастье, живой человек! И пусть меня хоть на месяц оставят без сладкого, перебыюсь. Блаженно улыбаясь сквозь слёзы, я обернулся — и застыл столбом, так и стоя на коленях. Передо мной висело в воздухе ещё одно привидение — пожилой джентльмен с внушительными усами, в пенсне и галстук бабочкой. Старикан Плоу! И теперь-то мне точно не жить.

— Что вы здесь делаете? — раздражённо повторил призрак. — И встаньте, когда с вами разговаривают! Как ваше имя?

Его суровый тон, совсем как у мистера Фербенкса, нашего директора, вывел

меня из оцепенения. Плохо соображая, я поднялся с пола.

– Э-э... Пат, сэр. Патрик. Патрик Холлоуэй. Сэр. Я... Я случайно зашёл в Старое крыло... сэр.

– Как вам не стыдно пугать учительницу? – ещё строже спросил Старикан. – А если бы у неё не выдержало сердце?

– Она же п-привидение, – пробормотал я.

– Если дама умерла, это ещё не даёт права ей грубить, – отрезал Старикан. – Мисс Прайм! – позвал он в темноту, наполнившую коридор. – Идите сюда, это обычный мальчик.

Вдали показалось призрачное сияние. Рыжая Старуха приближалась к нам.

– По... пожалуйста, – взмолился я, – не вырывайте мне сердце! И не отрезайте голову! Кровь можете выпить, только не всю!

Призрак поморщился и поправил бабочку.

– Гм, – сказал он. – На первый раз простим. А теперь марш отсюда, и не вздумай никому рассказывать.

Старуха кашлянула, и он поспешно добавил:

– Иначе открутим сердце и выпьем голову.

Встретить Рыжую Старуху, Старика на Плоу и уйти живым – редкое везенье. В коридоре маячили, колыхаясь в воздухе, ещё два призрака – хмурый мускулистый дядька и полная бабуся с длинными шпильками в волосах. Господи, да у нас тут привидений больше, чем учеников.

Я осторожно взялся за ручку, не веря в свою удачу. Черт, я совсем забыл про гвозди. А всё эти болваны, Нил со своей компанией.

– Замок... захлопнулся, – соврал я и покраснел.

Старикан подлетел к двери, погрузился в неё наполовину, покрутил головой.

– Хм, – заметил он. – Какой интересный замок. Захлопывается гвоздями. Сам, надо полагать. Так, молодой человек?

Я покраснел ещё гуще.

– Ну что ж... Мне очень не хочется этого делать, но другого выхода у нас нет, – угрюмо сказал Плоу. – Мистер Дред, будьте любезны! А я, пожалуй, пойду.

Старикан поплыл по коридору, Рыжая Старуха полетела к своей комнате. А ко мне уже направлялся тот самый мрачный призрак с габаритами культуриста и лицом маньяка-убийцы. Встретив такого в переулке, я бы убежал, но тут мне бежать было

некуда. Вот, значит, кто делает за Старуху всю грязную работу. Какой-то Дред, про которого никто в школе и не знает. Жаль, что эту тайну я унесу с собой в могилу.

Я попятился, прижался спиной к двери. Призрак остановился передо мной, хмуро взглянул в глаза. Я зажмурился.

— Ну-ка, малый, посторонись, — буркнул он.

Я тихонько сдвинулся вбок, по стеночке. Дред отступил, а вернее, отплыл на шаг, пригнул голову и плечом влетел в дверь. Но вместо того, чтобы просочиться сквозь доски, как всякое нормальное приведение, Дред вынес её целиком. Дверь с грохотом отлетела. Удар был такой силы, что на вбитых Задирой Нилом гвоздях остались выдранные кусочки дерева.

— С-спасибо, — тихонько прошептал я и пулей вылетел в дверь. Я бежал, не оглядываясь, по коридору, по лестнице, потом опять по коридору мимо огорошенных моим появлением Нила и Донни, влетел в нашу спальню и вот там я споткнулся и второй раз грохнулся на больное колено. Было так больно, что я, по-моему, потерял сознание.



ГЛАВА 2

Обдумав всё на свежую голову, я пришёл к трём выводам. Во-первых, привидения у нас в школе действительно есть. Во-вторых, они вполне адекватные и не мечтают отправить тебя на тот свет. В-третьих, если я кому-нибудь расскажу, что напугал Рыжую Старуху, а Старикан Плоу просто выставил меня за дверь, меня на смех поднимут — а значит, надо помалкивать.

Прихрамывая, я поднялся в библиотеку. Вчера наш школьный медик, доктор Сандей, натёр мое несчастное колено какой-то страшно вонючей мазью, и оно почти не болело. Сегодня я еле дождался конца занятий: мне не терпелось разузнать, кого я повстречал в Старом крыле.

В библиотеке хранились старые и никому не нужные ежегодные альбомы с фотографиями выпускников и учителей. Я хорошо запомнил Рыжую Старуху, Старикана и Дреда и был уверен, что легко найду их на старых фотокарточках.

Фотоальбомы стояли на самом верху. Я подставил лесенку, отложил в сторону альбомы за последние четыре года – там я всех и сам знаю – и снял с полки за семьдесят шестой и семьдесят пятый. Альбомы были тяжеленные, в кожаных переплётках, их приходилось таскать по одному. К шестьдесят седьмому году у меня разболелось колено, к шестьдесят второму я понял, что скорее умру, чем поднимусь ещё хоть на одну ступеньку.

Я в задумчивости сидел за столом и листал шестьдесят первый, когда в дверях появился Верзила Том.

– А, вот ты где, – прищурился он. – Нил велел узнать, кто тебя выпустил.

– Садовник шёл под окнами и услышал, – соврал я.

– Ты не наябедничал? – с подозрением спросил Том. – Сам знаешь, как у нас...

– Ещё чего, – презрительно бросил я и уткнулся в альбом.

Дверь скрипнула, и в библиотеку вошёл мистер Коннери, учитель литерату-

ры. Коннери был человеком почти молодым и немного вздорным. Одни его любили, другие побаивались.

– Здравствуйте, мистер Коннери, – поздоровались мы хором. Я кое-как приподнялся со стула, скривившись от боли в ноге.

– А, ребята, занимаетесь? – энергично произнёс учитель, потирая руки. – Сиди, Холлоуэй, мне сказали, тебе сильно не повезло с коленкой. Ушиб? Вывих?

Такой возможности отомстить этому поганцу я упустить не мог.

– Ушиб, сэр, и нога очень болит, – ответил я. – Но друзья мне помогают. Вер... то есть, Том, будь так добр, – повернулся я к Верзиле с кроткой улыбкой ангела. – Поставь, пожалуйста, этот альбом во-он на ту полку. И принеси ещё парочку, за предыдущие годы.

Том скрипнул зубами и наградил меня яростным взглядом, но послать подальше при учителе побоялся. Он подхватил альбом и затопал к стеллажам. Оттуда он приволок сразу пять. Верзила – он и есть верзила, я и один еле поднимал.

– Поговорю с тобой ещё, – хмуро шепнул Том, с грохотом шлёпнув альбомы на стол. – До свидания, мистер Коннери, – сказал он и исчез за дверью.

Учитель с интересом взглянул на разложенные вокруг меня толстенные альбомы.

– Интересуешься историей школы, Холлоуэй? Весьма похвально.

– Да, сэр, – кивнул я. – Я подумал, что надо бы почитать про наших славных, э-э-э, педагогов и...

– Патрик, – прервал меня Коннери с усмешкой. – Я ведь тебя не первый год знаю. Ты перечитал книжек больше, чем половина наших учеников, вместе взятых. И чёрта с два ты разглядывал бы эти фотокладбища в свободное время, когда на соседней полке стоит Брэдбери.

Вообще-то ему не положено чертыхаться, но мистер Коннери всегда говорил, что ругательства – как соль и перец, и немножко в нужный момент только пойдёт на пользу. Директор смотрел на это сквозь пальцы, потому что учителем Коннери был и правда замечательным. А я смутился, потому что сам понял, что сморозил глупость.

– Ну... – я замялся. – Я ищу одну учительницу музыки, только не знаю, в каком году она работала.

– Кого же? – поинтересовался Коннери.

Я закрыл глаза и выпалил:

– Рыжую Старуху.

– Кого? – Учитель расхохотался. – Наше школьное привидение?

Я сидел красный как рак, а Коннери всё смеялся и смеялся. Наконец он достал платок и вытер слёзы.

– Холлоуэй, этой страшилкой здесь пугали малышей, ещё когда я сидел за партой. А про крышку рояля, которая на неё упала, сочинил мой товарищ Говард Блум, большой выдумщик. И знаешь, что интересно? Когда мне было двенадцать лет, как тебе, я точно так же отправился в библиотеку и стал искать в альбомах рыжую учительницу.

– И нашли? – подпрыгнул я.

Он шагнул к полкам и взял старый альбом, из сороковых. Одной рукой взял, как будто тот ничего не весил.

– Смотри. Если кто-то из них и рыжий... – Он раскрыл альбом передо мной, и я увидел, что все фотографии в нём чёрно-белые. Коннери вздохнул и вернул том на место.

– Я знаю её имя, – признался я и испугался. – Мне... папа рассказывал. Он тоже здесь учился. Её звали мисс Прайм.

Брови учителя взметнулись выше очков в роговой оправе.

– Ну-ка, – пробормотал он и торопливо принёс ещё несколько альбомов. – Эти

ты уже посмотрел? Дай уберу. – Он уселся напротив, и мы начали лихорадочно листать картонные страницы, будто спрятали бумажный фунт и забыли, где.

Дело пошло на лад. Мистер Коннери приносил альбом за альбомом, пока наконец не ткнул пальцем в старую фотографию.

– Вот. – Он повернул альбом ко мне, и я впился в карточку взглядом. – Тысяча девятьсот тридцать восьмой год.

С пожелтевшей фотографии на меня смотрела та самая почтенная дама, которую я вчера вечером умолял не вырывать мне сердце. «Мисс Лорна Прайм, учитель английского языка и литературы», – прочёл я. Литературы, а никакой не музыки. Наверно, поэтому у неё в комнате было столько книг. Мне захотелось взять краски и раскрасить её волосы в рыжий.

– Странно, такое чувство, что я её где-то видел... – наморщив лоб, пробормотал мистер Коннери.

– Давайте и Старикана Плоу найдём? – предложил я.

– Что? – он оторвался от альбома. – А, Плоу... Плоу и искать нечего.

Учитель встал и подошёл к стеллажу. Его длинные пальцы заскользили по пыльным корешкам, задержались у девятьсот



двадцатого, потом перескочили к девятнадцатому. Коннери вернулся к столу.

– Старикана Плоу я нашёл уже давно, – сказал он, раскрывая альбом. – Вот он, смотри. Роберт Плоу, преподаватель естествознания.

– Не-ет, – я помотал головой, потому что неприятный лысый старикашка на фотографии, опирающийся на тяжёлую трость, не имел ничего общего с почтенным господином, который отчитывал меня вчера вечером. – Это не Плоу. Тот такой... с усами, в пенсне.

Тут я понял, что прокололся. Я поднял глаза на Коннери – тот уставился на меня с недоумением. Надо было срочно выпутываться, то есть врать на ходу.

– Ну... это, вообще-то, секрет, сэр... Мой папа однажды видел призрак Старикана Плоу, когда учился здесь. И рассказывал, что у него пенсне, вот такие усы и галстук бабочкой.

– Встретил призрака? – хмыкнул учитель. – Ну, знаешь, Холлоуэй... Призраки живут исключительно в историях, и это их лучшее качество. Может, твой старик наткнулся в темноте на одно из этих страшилищ? – Он указал на развешанные по стенам библиотеки, потемневшие от старости портреты в толстых рамах. Я машинально

взглянул туда же и остолбенел. С висящего в центре полотна на меня строго глядел мой вчерашний призрак. Сэр Джонатан Митчелл, основатель и первый директор школы Митчелл-Холл. Каждый день я ходил мимо и не удосужился рассмотреть как следует, даже в памяти ничего не мелькнуло. Вот я болван. Почему-то решил вчера, что передо мной Старикан Плоу, а ведь никто не называл его по имени.

– Э-э-э... Да, сэр, наверно, так и было, – пробормотал я, не в силах отвести взгляд от портрета.

– Не волнуйся, парень, сэр Джонатан привидением никогда не был, – рассмеялся мистер Коннери, по-своему истолковав мое замешательство. – Но вот одну историю о нём рассказывали...

– Какую? – тут же заинтересовался я.

– Видишь ли, наш первый директор был другом твоего любимого Диккенса. Как-то раз в школу с извинениями доставили письмо от Диккенса сэру Джонатану. Оно затерялось на почте и опоздало на целых десять лет. Тогдашний директор рассудил, что, поскольку и Митчелл, и Диккенс к тому времени отправились в мир иной, письмо можно считать историческим документом. А значит, не будет большого греха, если письмо войдёт в наш архив.

– Ничего себе, – охнул я.

– И вот что интересно, – продолжил Коннери. – Диккенс в этом письме спрашивает у сэра Джонатана, бережёт ли он сокровище, которое ему доверили. Конечно, никаких сокровищ тут нет, – улыбнулся учитель, – но ясно, что Диккенс передал Митчеллу что-то ценное, и оно хранилось в школе, – директор жил здесь же. А если ты вспомнишь мои уроки, ты припомнишь и слухи о рукописи, которую Диккенс куда-то спрятал незадолго до смерти. Её пытались найти у нас в школе, но... – он развёл руками. – К сожалению, у сэра Джонатана мы о ней спросить не можем.

Я был другого мнения, но промолчал.

– Вот бы это письмо прочитать, – сказал я вместо этого.

– Почему бы и нет, – пожал плечами учитель. – Письмо, к сожалению, не сохранилось, но с него вовремя сняли копию. Раз уж ты единственный ученик за последний десяток лет, кто осилил всего Диккенса, так и быть, покажу, – произнёс он, направляясь к вечно запертой двери возле стеллажей. За дверцей пряталась крохотная каморка со старыми книгами и школьным архивом.

Он отпер замок и шагнул в пыльный полумрак. Через оставленную открытой дверь

я видел, как он роется в коробках. Наконец он удовлетворённо хмыкнул и достал из самого нижнего ящика худосочный конверт.

– Вот, полюбуйся, – сказал он, вручая конверт мне. Я открыл его с благоговением и лишь потом запоздало вспомнил, что это не подлинник, а копия. Но пожелтевшие фотокопии письма, снятые ещё давным-давно, хранили почерк нежно любимого мной писателя.

– Поторопись, будь любезен, – напомнил мистер Коннери спустя несколько минут, взглянув на тяжёлые настенные часы. Я поспешно перечитал письмо ещё раз и вложил фотокарточки в конверт. Вообще-то Диккенс меня разочаровал. Новости про какую-то миссис Моррис, полстраницы нудных заметок о том, какая дороговизна нынче в Лондоне, и лишь один коротенький вопрос про сокровище, никакого даже намёка. «Сокровище» было с большой буквы.

Коннери вернул документ на место и захлопнул дверь архива.

– Вижу по лицу, что ты не в восторге, – заметил он и бросил ещё один торопливый взгляд на циферблат. – Полностью разделяю твои чувства. Выздоровлявай! – произнёс он, уже торопливо выходя из библиотеки.

– До свидания, сэ́р! – крикнул я вслед.

Мне тоже было пора идти, если не хочу остаться без ужина. Припадая на разболевшееся колено, я запихал на место последний альбом и уже собрался уходить, как заметил, что дверь архива прикрыта не до конца. Может, старый замок не защёлкнулся, а может, что-то попало под защёлку. Я машинально подошёл, чтобы захлопнуть дверь, но в последний момент мне пришла в голову идея. Это была самая дурацкая из моих дурацких идей, просто царственной дурасти идея. Через несколько секунд я уже стоял у закрытой по всем правилам двери архива, даже за ручку подёргал, чтобы проверить, а за пазухой у меня топорщился конверт с письмом Диккенса. Ох, и страшно было, мурашки, наверно, сквозь рубашку виднелись. Поймают – вытурят из школы в два счёта. А я ведь, если разобраться, ничего плохого не делаю, только помогаю письму дойти до адресата. Я выскользнул из библиотеки и, стараясь ни с кем не встретиться, похромал в свою комнату.

Прошло три дня, прежде чем я смог улучшить часок и пробраться к Старому крылу, когда никого не было рядом. Это только кажется, что в такой школе, как наша, ког-

да и живёшь, и учишься в одном здании, всё рядом, гуляй – не хочу. На самом деле у тебя круглые сутки уроки, задания, спорт всякий, будь он неладен, разве что вечером час-полтора найдётся. Да и то, считается, что в это время ты должен зубрить геометрию или ботанику, ну, в крайнем случае, «постигать святыи узы товарищества», усевшись вместе со всеми перед телевизором. Я предпочитал постигать узы товарищества, улизнув в библиотеку.

Дверь, выбитая привидением по имени Дред, стояла на своём месте, гвозди были аккуратно выдернуты, лишь на косяке виднелись следы от удара. Понятия не имею, кто её починил, но ученикам об этом ничего не рассказали. Я осторожно покрутил ручку. Дверь была заперта. Приложив ухо к щёлке, я прислушался. За дверью царила тишина. Я осторожно постучал, потом ещё раз, погромче.

Морщась от боли в коленке, я сел перед дверью и просунул конверт под неё, придерживая за уголок. На конверте моей рукой было аккуратно выведено «Сэру Джонатану Митчеллу». Я постучал снова. Прошло минут пятнадцать, прежде чем я ощутил исходящий из-за двери холод и электрическое покалывание. А затем конверт резко выдернули из моей руки,

и он исчез под дверь. Я в испуге отпрянул и стал ждать.

Вскоре дверь засветилась голубоватым сиянием, и сквозь старое дерево показался призрак. Сняв пенсне, он потёр двумя пальцами переносицу, и мне показалось, что он только что плакал. Я торопливо поднялся и отряхнул колени.

– Благодарю, – сдавленно произнес он. Голос старика чуть подрагивал. – Это... это... Мы были хорошими друзьями, и это последнее письмо... Кто мог знать, что оно опоздает на столько лет. – Старик достал платок и высморкался. Никогда бы не подумал, что у привидений есть платки. Про опоздание я тоже написал на конверте.

– Хол... Холидей, если не ошибаюсь?

– Холдоуэй, сэр.

Внутри у меня всё дрожало, как струна. Я набрался смелости и выпалил:

– Не могли бы вы рассказать мне про Диккенса?

Сэр Джонатан на мгновение замер, удивлённый моей просьбой. Затем, произнеся себе под нос «гм», согласно склонил голову.

– Прошу за мной, – и исчез за полотном двери. Глухо щёлкнул замок. Я решительно повернул ручку.

Я шёл по пыльному коридору следом за привидением. Мы миновали комнату

мисс Прайм и остановились возле лестницы на второй этаж. Мистер Митчелл указал мне на изъеденную древоточцами банкетку, я послушно сел и обратился в слух. Не буду повторять рассказ директора – он погрузился в воспоминания и рассказывал случай за случаем, а я сидел и думал, что любой биограф Диккенса отдал бы полжизни, чтобы оказаться на моём месте. Самое дурацкое, что я-то об этом даже рассказать никому не смогу, – кто мне поверит? Но я сидел и слушал, раскрыв рот.

Спустя полчаса старик спохватился.

– Думаю, Холлоуэй, ты узнал достаточно.

– Большое спасибо, сэр, – поблагодарил я, вставая. – Если можно, самый последний вопрос. В письме Диккенс написал, что доверил вам сокровище. Это... это была его рукопись?

Затаив дыхание, я ждал ответа. К моему удивлению, призрак сдержанно рассмеялся.

– Рукопись? Нет, рукопись бы сэр Чарльз никому не отдал. Сокровище – так звали кота, которого он мне подарил. Огромный чёрный кот, любил лежать на подоконнике в моём кабинете. К сожалению, в него ударила молния.

– Как? – я был раздосадован такой

простой разгадкой и вместе с тем потрясён судьбой кота.

– Это был странный кот. Он совершенно не боялся ни грозы, ни дождя, и однажды зачем-то залез на дерево в ненастную погоду. Ну что ж, теперь тебе, пожалуй, пора идти. – В голос старика вернулась твёрдость.

– Большое спасибо, сэр, – повторил я, направляясь к двери. – А можно... можно мне ещё когда-нибудь прийти?

– Не думаю, что это уместно без веской причины, – отрезал призрак.

Он проводил меня до выхода и запер дверь. Я стоял в сумрачном коридоре и смотрел на неярко поблескивающую дверную ручку. Мне показалось, что на тёмном дереве есть какое-то пятно, и я попытался оттереть его рукавом. Из детской страшилки Старое крыло превратилось в страну чудес, куда там Зазеркалью или Стране Оз. И теперь я один во всей школе – да что там, в целом мире! – знал, про какое сокровище писал Диккенс. Только что в этом проку, если всё равно некому рассказать.

Тогда я ещё не знал, чем обернётся это знакомство. Но если вы решили, что это ещё одна слюнявая история о том, как мальчик подружился с призраками и всё такое, то вы ничего не знаете о привидениях.